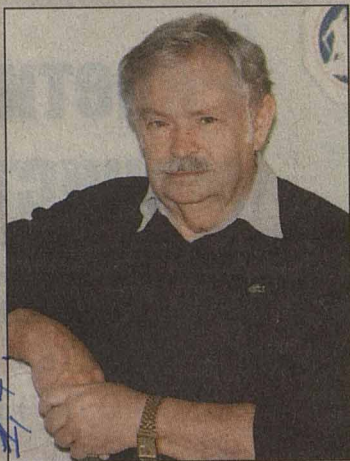

Гость «НИ»

Писатель Альберт ЛИХАНОВ: «В России безнадзорны все дети»

Михаил Поздняев

Одному из корифеев отечественной литературы для детей Альберту ЛИХАНОВУ сегодня 70 лет. Из них последние 18 он – председатель сначала Советского, а затем Российского детского фонда. Беседа с ним в канун юбилея вышла невеселая, но иначе быть не могло: детские беды и боли – нерв и смысл всей его жизни.

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

– Вы много лет и очень жестко говорите о проблеме беспризорности. Наше время ознаменовалось принципиально новым явлением – безнадзорностью. Ситуацией, когда дети рискуют выпасть из социума при живых и зачастую вполне благополучных маме и папе. Какова природа этого явления, почему оно возникло?

– Что это такое, на самом деле, никто сегодня точно сформулировать не может. Во-первых, потому что официальная статистика – число задержаний, никак не совпадающее с реальным числом. Во-вторых, потому что детей, которые, как в эпоху Дзержинского, живут под асфальтовыми котлами, поскольку больше нигде жить, не существует. У нашего беспризорничества запах не горячего асфальта, а клея «Момент». Если эти дети выживут, вырастут, они будут тяжким бременем государства.

Я бы выводил цифру беспризорничества из другой – из того, что у нас два миллиона неграмотных детей школьного возраста. Среди них немало таких, которые каждое утро выходят из дома, делая вид, что идут в школу.

Вообще термин «безнадзорность» вызывает у меня протест и осуждение. Потому что в России безнадзорны все дети. Три квартала, которые ребенку предстоит пройти от дома до школы, он безнадзорен. Беззащитен. Разве не так?

Но, кроме того, «надзор» – тюремное понятие. Не надо стремиться к установлению надзора над детьми. Наша великая педагогика, наоборот, призывает к привитию ребенку самостоятельности после определенного возраста – к его саморазвитию, самодостаточности. Но до этой поры он должен быть защищен взрослыми.

Окончание на стр. 7

«В России безнадзорны все дети»

Неблизко к жизни 2005-13 сент. с 1, 7.

Окончание. Начало на стр. 1

А когда с младенчества ребенок ощущает социальное неравенство, к 15 годам он имеет шансы стать и наркоманом, и «скинхедом».

Ведь ни для кого не секрет, что «бритоголовые» в массе своей – дети бедных, не имевшие равных с детьми богатых стартовых возможностей. Протест их – совсем не против «черных», еще более бесправных, а против сытого мира. Не сытость для наиболее сильных, а достаточность для всех – вот наш идеал. Наша, если хотите, национальная идея. Исконная, но позабытая...

– Не так давно я спросил одного мудрого человека: «Почему сегодня совсем не видно, как в конце 80-х, «прорабов духа», бесспорных общественных лидеров?» Он мне сказал: «А обществу нужны сейчас не пастыри, а менеджеры». Вы с этим согласны?

– Категорически не согласен! Пастыри нужны всегда. Но другое дело, что те, про кого говорят, кого «пиарят», – вроде бы только те и нужны, только те и есть. Я не собираюсь себя причислять к пастырям и «прорабам духа», но фонд, который был 18 лет назад создан, чтобы помогать детям, и теперь продолжает это делать. Не считите за нескромность, мы – то гражданское общество, по которому столько слез пролило. Ломаются копия вокруг создания Общественной палаты, и почему-то никто не вспомнит опыт Фонда культуры, Фонда милосердия и здоровья и нашего Детского фонда. Вы говорите: пришло время не пастырей, а менеджеров. А я вам на это скажу, что 1 июня мы провели большой праздник – восемнадцатый год это делаем: привезли в Москву детдомовцев со всей страны. Сводили их в Большой театр, устроили обед в «Метрополе». Официанты удивлялись: «Что за дети у вас такие тихие?» – «Это сироты». Для чего мы такие вещи делаем? Чтобы показать детям, что есть другая, лучшая цивилизация, чтобы у них дух поднялся. Как нам удаются такие акции – наше «ноу-хау».

– Но встреча обездоленных детей с этой другой цивилизацией чревата конфликтами. Эта другая цивилизация, хочет она того или не хочет, их отторгает, чаще подсознательно, просто в целях личной безопасности.

– Значит, что-то в ней прогнило, если она так понимает свою безопасность!.. Все знают о семейных детских домах, появившихся благодаря нашему фонду. Так органы образования на местах их сегодня попросту травят. Семейных детских домов по нашим дан-

ным 368, а по статистике 61. Остальных при- нудили стать «приемными семьями».

– А в чем разница?

– Одно дело – когда вы зарабатываете деньги, и другое – когда государство выплачивает вам жалкое пособие. Решимость людей стать мамами и папами сразу пятерым, а то и десятерым сиротам у нас не признается за труд. Этим людям надо в ножки кланяться не только за то, что они детей вырастят, но и за то, что они помогают нации стать гражданским обществом. Ведь государство тихо падает в обморок от числа детей, которые каждый год объявляются сиротами. Знаете, сколько сегодня сирот в России?

– Просто не интересовался.

– Ваш ответ очень типичен. В прошлом году было «выявлено впервые» – термин такой – 132 тысячи. А с 1988 года, по моим подсчетам, было причислено к этому разряду 1 миллион 600 тысяч. Минобразования недавно сообщило, что у них на учете около 800 тысяч детей. Когда человеку исполняется 18 лет, он с этого учета срывается, но сиротой-то быть от этого не перестает. И кто-то его дальнейшей жизнью должен интересоваться? Ни одно ведомство не интересуется! Ни один человек, если это его напрямую не коснется – вот, как и вас... А семейный детский дом – единственная у нас структура, которая, по началу поддерживаемая государством, а дальше скромными возможностями общества, не упускает из внимания сирот на протяжении всей их жизни.

По нашей просьбе президент поддержал почти 120 родителей-воспитателей – у них крылышки затрепетали оттого, что они получили государственные награды. А вот что касается тетенок на местах, этих, по выражению Макаренко, «шкрабих» – они семейные детские дома просто ненавидят. Им содержать сирот в отстойнике гораздо удобнее.

Генпрокуратура несколько лет назад заявила, что 40% детдомовцев становятся наркоманами и алкоголиками, 40% – преступниками, 10% – сводят счеты с жизнью и только 10% как-то выкарабкиваются. Это была выборочная проверка, и с тех пор Генпрокуратура таких исследований не проводила. Нужна новая тотальная проверка в масштабах всей России – как сложились судьбы воспитанников сиротских заведений. Может, результаты такого исследования вывели бы государство и общество из беспечного состояния.

– Сравнивая то, как начинался Детский фонд, с тем, как он теперь существует, в чем принципиальная разница?

– В отсутствии сегодня даже не поддержки, а в полном отсутствии интереса государства к общественным организациям и фондам.

Во-первых, мы были при появлении на свет освобождены от всех налогов. Больше того, часть прибыли предприятий и организаций не облагалась налогами, если они оказывали нам помощь. Была попытка ввести норму в 3% на благотворительность, не облагаемую налогом, при Явлинском – потом это постановление отменили. А сейчас, если мы оказываем помощь ребенку на сумму свыше 2 тысяч рублей, нам предписано взимать с него подоходный налог. У меня была криминальная ситуация в рамках программы «Фронтовые дети Чечни». Мы собрали группу детей по 20 тысяч долларов, положили в банк. Одной девочке смогли накопить еще 5 тысяч. А девочка такая: ее подстрелил снайпер, с поврежденным позвоночником она четыре года пролежала в Республиканской детской больнице. Мать все эти годы ночевала рядом с ней на полу. Восемнадцать лет ей исполнилось, она по-прежнему неподвижна. Московские власти разрешили ей купить здесь квартиру. И когда надо было снять деньги со счета, те 5 тысяч, которые накопились, вычли налоговики...

Общественное движение в России зажимается. Факт. Что как-то не вяжется с тезисом о построении гражданского общества. Раньше у нашего фонда было право законодательной инициативы. Теперь мы вообще вне закона. Почему?!

– Возможно, потому, что многие забыли, что вы есть, а другие считают вас, Детский фонд, рудиментом советской эпохи? Появилось много богатых людей – вот они пусть и занимаются благотворительностью...

– Мы не рудимент советского режима – тогда нужно признать рудиментом и детей. Что касается богатых людей – нам все время Америку ставят в пример, но все дружно молчат о том, что у них мощное налоговое законодательство, позволяющее всем и вся заниматься благотворительностью. Мы фактически остаемся в одиночестве.

– А удалось вам сохранить костяк единомышленников? Я понимаю, что время есть время, и жизнь изменилась, и люди не молодеют – и все же?

– Вы задали очень интересный вопрос. В провинции сохранились почти все кадры, которые начинали со мной. Сей-

час у нас 78 отделений в России, но сохранились и отделения Детского фонда в бывших союзных республиках. Скажем, очень хорошо работает фонд в Белоруссии благодаря тому, что у них активно развивается международное сотрудничество. Создавая в начале 90-х, фактически на руинах, Ассоциацию детских фондов, мы попробовали запустить проект в США, но он не пошел. И потому, что требовал много сил и средств, но и потому, что у них другая схема. Там таких фондов 3 тысячи. Для сравнения: у нас 420 тысяч общественных организаций. Результат – небо и земля. По той простой причине, что в США прогрессивная налоговая шкала. Волшебное слово «бюджет» у нас действует, как гипноз. В то время как американцы благодарны своим общественным и корпоративным фондам имеют годовой бюджет до 300 миллиардов. Наверное, вы слышали такой термин «третий сектор»?

– Вроде бы слышал...

– Он есть. Имеются в виду общественные организации. Но у нас термин этот употребляют в обрезанном виде. Звучит он настоящему «третий сектор экономики». Благодаря его существованию богатые граждане строят себе своего рода памятники: театры, музеи, университеты, больницы, хосписы. Но только через общественные фонды. Законодательство США предполагает, что налоги на имущество (которых у нас теперь вообще нет) составляют до 95%. Но если ты создаешь фонд и все деньги передаешь туда, они полностью освобождаются от налогов. К примеру, один мой старинный приятель создал школу для девочек, испытывавших насилие в семье. Это закрытое учебное заведение находится на содержании муниципального органа власти, но построил его, освободив деньги от налога, вот этот мой приятель.

Мы до сих пор не создали в стране ожогового центра. Есть при 9-й больнице отделение, мы с ними сотрудничаем и знаем их проблемы. А в Хьюстоне мне показали 11-этажное здание ожогового центра для детей штата Техас, построенное в рамках частной благотворительной программы...

– Знаю, что вам удается выкраивать время для написания новых книг. А как вы относитесь к успеху «Гарри Поттера»? Наверняка вам книга Роулинг понравилась: мальчик-сирота, крепкая и чистая дружба...

– Вынужден вас огорчить... увы (разводит руками). Вдуманый мир не всегда прое-

цируется на реальную детскую жизнь. Да, книги-сказки должны быть, но сегодня юные читатели нуждаются в каком-то другом разговоре, в другом примере для подражания. Поверьте, ребятам, которые кувыркаются в нашей грязной взрослой жизни с таких малых лет, необходимо не...

– «Навеять сон золотой»...

– ...Да, не подсунуть вроде бы такой симпатичной, но все-таки наркотик, а сориентировать их – чтобы совсем не пропали. Наркоз отходит, и ребенок снова попадает в ужасную реальность. У Англии свои игры, а у нас есть, слава богу, своя великая литературная традиция. Но еще больше в истории с успехом «Гарри Поттера» меня корбит индустриальный размах. Я ни за что не поверю, что для этой дамы, сочинившей книжки про Поттера, бизнес был, особенно теперь, на втором плане... У тебя должно сердце сочиться кровью пополам с любовью к детям, буквально сочиться – как у Ролана Быкова, создавшего неповторимый мир кино для детей. Когда вымирают Быковы – что ж удивляться успеху «Гарри Поттера»!

– Как будете праздновать юбилей, Альберт Анатольевич?

– Планировал поехать в Питер, потом в Беслан – грехи не отпустили, дел здесь очень много. Но после дня рождения поеду на родину – я вятский родом. Но не с пустыми руками. У меня есть приятель, князь Никита Лобанов-Ростовский, ему тоже нынче 70 лет. И он приехал в Москву, чтобы музеем Марины Цветаевой подарить портрет, купленный в Лондоне на аукционе. Вот и мне это нравится – в день рождения подарки не получать, а дарить. Поэтому я, когда поеду в Киров, подарю трем тамошним семейным детским домам новенькие «Газели». А самый дорогой подарок мне уже сделали – девочка, воспитанница одного из этих домов, поступила в Нижегородскую консерваторию, отчасти благодаря моей рекомендации. Мне признаваться в этом не стыдно – она сирота, имеет право на особое внимание. Как тут не порадуешься... Или мальчику сделали в Америке бесплатную операцию на сердце – приходят они ко мне с матерью, женщина говорит: «Спасибо вам, Альберт Анатольевич». – «А я вас что-то, – говорю, – не помню». Тогда она обращается к сынишке: «Ну-ка, покажи автограф Детского фонда». Надо было видеть, с какой радостью мальчик расстегнул рубашку и показал мне шрам – от горлышка и до пупка...